

Илья СМЕРНОВ

Рок-движение представляло собою едва ли не уникальный опыт общественной самоорганизации (в противовес бюрократическому "упорядочению" жизни) того слоя советского общества, который можно условно соотносить с западным средним классом. Это не только интеллигенция в строгом смысле слова, но все те, кто по квалификации, общему образованию, бытовому (в том числе демографическим) условиям приближался к европейским стандартам. По каким-то параметрам отставание было больше, по каким-то меньше (особенно если брать для сравнения не самые высокоразвитые западные страны), а в общем советские "европейцы" имели определенные основания считать себя таковыми. С Запада — иерархия ценностей, в которой важное место занимали независимость, сопротивление внешнему диктату, особенно некомпетентному. При этом подавляющее большинство нашего среднего класса вовсе не было антисоветски настроено. Его наставники — не диссиденты (правозащитное движение, постепенно превращавшееся в секту, в начале 80-х было окончательно добито КГБ) — а деятели так называемой "культурной оппозиции".

Конечно, сами рокеры, не чуждые корпоративного шовинизма, стремились преувеличить роль своего жанра в общем хоре муз — на это справедливо обращает внимание историк А.Шубин ("Истоки перестройки", М.1997). Но очевидно, что именно Борис Гребенщиков (и молодая рок-шпана с гитарами, шедшая по его стопам) стали неформальными лидерами нового поколения советских европейцев, вступавшего в жизнь на рубеже десятилетий. Поэтому внимательный анализ содержания песен представляет интерес не только с искусствоведческой точки зрения. Он может многое объяснить в последующей судьбе "тех, кто шел с ними, тех, кто их ждал".

Внутренняя традиция самоосмысления рок-культуры привязана к внутренним ее конфликтам: отсюда жесткое противопоставление новой волны "расслабленному пессимизму" хиппи. Эта "дуальная оппозиция" присутствует даже в книге "Время колокольчиков: жизнь и смерть русского рока", написанной в 1991 году.

Безусловно, позиция Гребенщикова была сознательной и взрослой, а отечественный хиппизм инфантилен, как и положено субкультуре. Но и в хиппистском хард-роке хватало удалой молодецкой (РОССИЯНЕ, СМЕЩЕНИЕ), и "новая волна" вовсе не была таким уж целеустремленным движением к свободе. Подобное впечатление создается на основе интервью в самиздате или отдельных фраз из песен, двуступный, реже четвероступный, которые зачастую не передают общего смысла произведения.

Гребенщикову совсем несвойственны музыкальный театр масок, жанровые зарисовки от имени рабочих ижевского завода или рызанских крестьянок. Лирический (и социальный) герой его песен примерно один и тот же. Среди этих песен есть, несомненно, такие, которые можно считать "программными". Они исполнялись особенно часто, и даже если не включались в официальные альбомы, аудитория знала их наизусть... "Кусок жизни" своей бескомпромиссностью резко выделил А среди участников Тбилисского фестиваля. Но афоризмом "пусть играет, кто должен играть, и стучит, кто должен стучать" песня не исчерпывается:

Десять стальных волков —
И каждый пьян, как свинья (характерный вариант: "И каждый похож на меня")
Я был бы одним из них,
Но у меня семья.
И каждый глядит за дверь,
И каждый лелеет стон;
Дайте мне мой кусок жизни,
Пока я не вышел вон.

Гребенщикова имеет смысл сравнивать не только с хиппи, которые все-таки не создали в России полноценной поэтической традиции, но и с равновеликими. Для Б.Окуджавы, В.Высоцкого, А.Галича характерны цельность и определенность даже в трагических ситуациях. В их произведениях присутствует герой в полном (античном) смысле этого слова: Януш Корчак и "непонятный чудак" из песни Галича "На сопках Маньчжурии", летчики и альпинисты у Высоцкого, "комсомольская богиня" и "комиссары в пыльных шлемах" у Окуджавы. У Гребенщикова же всякий намек на героизм тут же гасится самоуничтожительной иронией или указанием на бесперспективность происходящего. "Порой мне кажется, что мы герои. Порой мне кажется, что мы — просто грязь". Гордая декларация собственной независимости: "Я инженер на сотне рублей. И больше я не получаю..." тут же перетекает в растерянное: "Мне

двадцать пять, и я до сих пор не знаю, чего хочу". В дальнейшем эти позиции парадоксальным образом сосуществуют:

И я счастлив тем, как сложилось все,
Даже тем, что было не так,
Даже тем, что ветер в моей голове
И в храме моем бардак.

"Прекрасный дилетант", признанный в "Рокуэлле Кенте" лучшей композицией 1981 года и "юбилейное" (к 10-летию А) "Немое кино" — проникнуты глубоким отчаянием. Сравните у классического рок-пессимиста из поколения 70-х Алексея Романова:

И меркнет свет, и молкнут звуки,
И новой муки ищут руки,
И если боль твоя стихает,
Значит, будет новая беда
и у Гребенщикова:

Я устал пить чай, устал пить вино,
Забыл все слова, кроме слова "говно".
Десять лет я озвучивал фильм,
Но это было некое кино.

"Кто виноват?" у Романова и рефрен "Прекрасного дилетанта" — "Того ли ты ждал?" прямо перекликаются.

Фронда Гребенщикова куда более жесткая и определенная, чем у Романова:

Панки любят грязь, а хиппи — цветы.
И тех, и других берут менты.

Ты можешь жить любя, ты можешь жить грубо.

Но если ты не мент, возьми и тебя.

Но в отличие от Галича, который, наверное, мог бы написать нечто подобное, если бы дождался появления в России панков, пропагандист русского панк-рока заявляет: "Мы никогда ни с кем не боролись... политикой не занимались. Живя в А, практически не ощущали, какая вокруг власть". И это не пустые слова. В 90-е годы в глянцево-журналах стали популярны рассуждения о том, что рокеры 80-х были политизированы, выступали в роли неких "трибунов", будучи в оппозиции ко всему, они были типичными большевиками, — как писал Валерий Тодоровский, не утруждая себя доказательствами. Потому что доказательств нет. Политикой в общепринятом понимании, то есть вопросом о власти, ни Гребенщиков, ни Майк, ни Цой, ни Шевчук не занимались. Вы не найдете в репертуаре А 1982 года песен о том, кто должен занять пост Генерального секретаря после смерти Брежнева. А социальные проблемы интересовали в той мере, в какой они присутствовали в реальной жизни "инженеров на сотне рублей".

Когда-то для А.Галича было характерно жесткое противопоставление "мы" — "они":

Обкомы, горкомы, райкомы,
В подтеках снегов и дождей.
В их окнах, как белым трахомы...
Безликие лица бездель.

Антагонизм почти зоологический: враждебная социальная сила даже внешне отличается от нормальных людей:

И в баньке, протопленной жарко,
Запахает косматая чужь,
Ужель тебе этого жалко?
Ни капли не жалко, ничуть!

У Гребенщикова 80-х "мы" и "они" появляются в шаманском рецитативе из песни "Мы никогда не станем старшие", но это прямой перевод из Джима Моррисона:

"What have they done to the earth?
What have they done to our fair sister?"

"Немое кино" — вовсе не о борьбе хороших "рокеров" с плохими "ментами". Хотя бы потому, что о "своих" сказано гораздо грубее "все рокеры в ж... а джазмены в п...". К диссидентству, возможно, имеет некоторое отношение "Блюз простого человека", и вот что там поется:

Ты воешь, словно волк,
Ты стоишь, как сова,
Ты рыщешь, словно рысь —
Ты хочешь знать свои права.
Слова, слова, и вновь слова.

Одним важны слова, другим важнее голова. Оценка, конечно, не столь резкая, как в песне "Воскресения" "Перелетные птицы", в которой эмигранты сравниваются с крысами ("то ли птицы летят перелетные, то ли крысы бегут с корабля..."), но вполне определенная. Автор отстраняется от "пустого словаря" лозунгов. Он "не терпит слов". Даже "Поезд в огне", ставший одним из гимнов перестройки, хоть и отмечен несвойственной автору публицистической наивностью ("эта земля была нашей" — когда земля в России была "нашей"? При Иване Грозном?), но в общем решен в неполитическом ключе: "пока мы не увязли в борьбе... то есть боролись сами с собой". Она умрет, если будет ничей". (Сравните с тогдашней публицистикой: "Открытое письмо бюрократам, коррупционерам, взяточникам, воротилам военно-промышленного комплекса, дельцам теневой экономики, мафии и прочим захребетникам..." — начал свою знаменитую брошюру "Мы и они" (с изображением волка и овцы на обложке) Андрей Нуйкин.

Забегая вперед еще дальше, отметим, что противостояние в духе Галича (и Нуйкина) мелькнет у А в песне 1995 года "Кладбище": "...и своего кровью кормим сытых хамов-сво-

"Сердце мудрых —"

Неновогодний заголовок — из Экклезиаста, а сам текст — из новой книги "Прекрасный дилетант. Борис Гребенщиков в новейшей истории России", которая должна выйти в том самом издательстве "Леан", которое выпустило в свет двухтомник БГ ("Песни" и "Не-Песни", 1997).

В книге И.Смирнова прослеживается путь группы АКВАРИУМ — от первых наивных опытов на школьных танцуйках до последних, не менее наивных, попыток облагородить своим присутствием концерты ансамбля ТЕКИЛАДЖАЗ3333. В середине — все то, чем Гребенщиков завоевал себе место в истории.

АКВАРИУМ традиционно обозначал себя большой А с кружком (Ангстрем), но мы по техническим причинам вынуждены ограничиться буквой А.

лочей". Но еще через год самым, пожалуй, совершенным художественным выражением "анти-социологии" станет хит альбома "Снежный лев" — "Истребитель":

Кто в нем летчик-пилот, кто в нем давит на педаль?

Кто вертит ему руль, кто дышит его трубой?

На пилотах чадра, ты узнаешь их едва ли,
Но если честно сказать, те пилоты — мы с тобой.

Здесь героическая решимость освободиться от внешнего зла вдохновляет героя на последний подвиг, который он может совершить, — на самоубийство.

Изловчусь под конец и стрелну последней пулей —
Выбью падал с небес.

Может, станет посветлей.

Аполитичность — не индивидуальная особенность "отрешенного буддиста" Гребенщикова, но свойство широкого круга рок-авторов, даже напрямую с ним не связанных, например, свердловчан Вячеслава Бутусова и Ильи Кормильцева, чью песню "Скованные одной цепью" БГ высоко оценил именно за точность формулировок: "Наутилус" много сделал для России тем, что в песне "Скованные одной цепью" музыканты очень точно назвали заболевания общества..." Напомним свердловскую диагностику:

Здесь нет негодяев в кабинетах из кожи,
Здесь первые на последних похожи.

И не меньше последних устали, быть может,

Быть скованными одной цепью.

Ирония Гребенщикова — тоже не целеустремленная и действенная сатира Галича или Высоцкого, а скорее "насмешка горькая обманутого сына" и "над промотавшимся от-

цом", и над собственным поколением.

Мы несем свою вахту в прокуренной кухне,
В шляпах из перьев и трусах из свинца.

И если кто-то издох от удушья,
То отряд не заметит потери бойца.

Никаким "большевизмом" тут и не пахнет. Социальная позиция, выраженная в песнях А и в полной мере воспринятая как коллеги по жанру, так и аудиторией — это индивидуальное противостояние пошлым, тупым и неэстетичным условиям жизни:

В табачном производстве все борются за власть,

Или гонят самогон из того, что нет смысла красть,

А начальник цеха не был здесь год, он на все забил.

А ты удивлена, почему я не курю.

Милая, может быть, я идиот,

Но я не дебил.

с полным осознанием того, насколько оно безнадежно. "Когда гроза, мне легче дышать, это факт. Не бойся грома, он всегда попадет в такт", — поет Гребенщиков, но снова и снова повторяет в припеве: "Никто из нас не выйдет отсюда живым".

Любопытно, что человек, проявивший себя на практике хорошим организатором (основал рок-самиздат, многие годы аккумулировал в своем Аквариуме таланты самых разных людей) в творчестве демонстрировал презрительную иронию по отношению ко всяким проявлениям коллективизма: "Кто сказал вам, что я пел с вами. Что мы пели одно об одном?", "Стыдно всем стадом прямо в царство Отца", "Будь один, если хочешь быть молодым".

"Совершать поступки, руководствуясь благом других живых существ. Делать так, чтобы другим было лучше — единственное

Концерт группы "АКВАРИУМ" в Москве (парк "Эрмитаж"), лето 1982. Фото Игоря ПРОСТАКОВА

Экран и сцена —